

С. А. Ипатова

НЕИЗВЕСТНАЯ СТАТЬЯ В. Р. ВАВРИКА
«„ДВЕНАДЦАТЬ“ АЛЕКСАНДРА БЛОКА»

Резюме

В статье излагается биография Василия Романовича Ваврика (1889–1970), известного русинского литератора и подвижника карпаторусского национального движения, принадлежавшего к этническому меньшинству русинов (руснаков), коренных жителей Карпатского региона, считавших себя потомками древнерусской народности. С началом Первой мировой войны в Прикарпатье с целью ликвидации русинского движения начался массовый террор против русинов, подозреваемых в симпатиях к России, к русской культуре. Ваврик за проповедь общеславянского единства оказался среди узников в застенках австрийских концлагерей Терезина и Талергофа. Впервые публикуется статья Ваврика о поэме А. Блока «Двенадцать». Автор не пытается критически осмыслить поэму как художественное произведение, скорее, это связанные с историческим моментом публицистические размышления русинского поэта, не принявшего Октябрьскую революцию и власть большевиков.

Ключевые слова: В. Р. Ваврик, И. С. Орлай, Карпатский регион Украины, этническое меньшинство русины (руснаки), Россия как историческая родина, Первая мировая война, трагедия русинского народа, поэма А. Блока «Двенадцать», интеллигенция и народ

Svetlana A. Ipatova

"THE TWELVE BY ALEXANDER BLOK"
THE UNKNOWN ARTICLE BY VASILY R. VAVRIK

Abstract

This article presents a biography of Vasily Romanovich Vavrik (1889–1970), a famous Rusyn writer and a partisan of the Carpatho-Rusyn national movement in the Austro-Hungarian Empire. Vavrik belonged to the national minority of Rusyn (Rusnak), indigenous inhabi-

© С. А. Ипатова, 2021

tants of the Carpathian region, who consider themselves descendants of the Old Russian nationality. With the outbreak of the First World War, the Austro-Hungarian monarchy set out to liquidate the Rusyn movement and began a massive persecution of the Rusyns suspected of sympathizing with Russia and Russian culture. For his defense of Slavic unity, Vavrik was imprisoned in the Austrian concentration camps Terezin and Talerhof. The biography is followed by the first publication of Vavrik's article about Alexander Blok's poem *The Twelve* (1918). In his article, Vavrik does not attempt to critically consider the poem as a work of art. Rather, his text presents journalistic reflection produced at a specific historical moment by the Rusyn poet who did not accept the October Revolution and the Bolshevik power.

Keywords: Vasily R. Vavrik, I. S. Orly, the Carpathian region of Ukraine, national minority of Rusyn (Rusnak), Russia as a historical homeland, World War I, tragedy of the Rusyn people, Alexander Blok's poem *The Twelve*, intelligentsia and the people

DOI 10.31860/2712-7591-2021-4-110-132

В фонде РНБ хранится рукопись статьи «„Двенадцать“ Александра Блока» (1920), принадлежащая перу Василия Романовича Ваврика (1889–1970). Это одна из ранних филологических работ литератора, известного впоследствии русинского поэта, прозаика, историка, публициста, общественного деятеля, подвижника карпаторусского национального движения. Как поэт Ваврик известен несколькими поэтическими сборниками (писал на русском литературном языке и этнолекте родного села), как прозаик опубликовал несколько рассказов и повестей, как ученый-славист получил известность многолетним изучением и переводом «на галицко-руську народну мову» «Слова о полку Игореве» (1937) [Слово о полку Игореве; Ваврик 1930а]¹. Обширный перечень наиболее известных научных, научно-популярных, филологических и исторических трудов Ваврика составлен Р. Д. Мировичем [см.: Ваврик 1973, с. 8–9].

Непростая судьба Ваврика была определена его происхождением. Родился в семье галицких крестьян в селе Яснище Бродовского уезда (Австро-Венгрия; современная Львовская обл., Украина) и принадлежал к имеющему славянскую этничность национальному меньшинству русинов (руснаков), карпатороссов, коренных жителей Карпатского региона (Карпатороссия, главный город — Ужгород), считающих себя потомками древнерусской народности, исторически и исконно проживавшей в Западной Украине, в При-

¹ По мнению автора статьи о Ваврике в Энциклопедии «Слова о полку Игореве», перевод ученого «имеет невысокий художественный уровень», что обусловлено недостаточным знанием «живого украинского языка» и отсутствием «навыков литературной работы» [Пинчук, с. 178].

карпатье и Галичине [см.: Пашаева 2007; Суляк 2008а, с. 7–34]². Историческую миссию России карпатороссы видели в присоединении Прикарпатской Руси. Впервые тема оторванности от исторической родины, брошенности русинского населения Прикарпатья как части русского народа была поднята в России в сочинениях уроженца Карпатской Руси, русина Ивана Семеновича Орлая (1771–1829), придворного врача, лечившего императоров Павла I и Александра I, историка, сторонника воссоединения всех славянских земель с Россией, литератора, педагога, директора Нежинского лицея кн. Безбородко, повлиявшего на формирование славянофильских взглядов Н. В. Гоголя, см.: [Виноградов 2014, с. 202–205; Виноградов 2005, с. 14–57]³. В 1804 г. в петербургском журнале «Северный вестник» Орлай опубликовал статью «История о Карпато-Россах, или О переселении Россиян в Карпатские горы и о приключениях с ними случившихся», в которой обосновывал принадлежность коренного населения Карпатороссии к русскому народу [Орлай 1804, ч. 1, т. 2, № 9, с. 158–172, 261–276; ч. 3, с. 265–294; републ.: Свенцицкий, с. 56–83].

Статья привлекла внимание Н. М. Карамзина, сославшегося на это сочинение в «Истории государства Российского» (Т. 1, гл. 5). Позже в статье-письме «О Юго-Западной Руси» (1826), посланной в Общество истории и древностей российских при Московском университете, Орлай привел обширные доказательства русскости карпатороссов, «природных» русских: в Карпатских горах «обитает 700 тысяч русских, известных под именем *карпаторусских жителей* (...) Сии карпаторусские жители, несмотря на древность своего переселения, удержали доселе имя *русских*, или русинов, древнейшее название русского народа», и, находясь «в продолжении многих веков под угорским правлением, сохранили и донныне приверженность

² Этнонимическое название «русин» стало доминирующим, заменив термин «карпаторосс»; встречается в литературных памятниках X–XII вв. На Украине этнос «русины» продолжает рассматриваться как не имеющая этнической самостоятельности этнографическая группа в составе украинской нации. Как отдельный этнос русины официально признаны национальным меньшинством в Словакии, Польше, Венгрии, Чехии, Румынии, Молдавии, Хорватии и Сербии, см.: [Дуличенко, с. 20–29; Нам, Наумова, с. 126–142]; см также: [Неменский, с. 149–174].

³ Ведущий специалист по Гоголю И. А. Виноградов пишет о вкладе Ваврика в науку о писателе: «Именно русинам, или карпатороссам, в первую очередь принадлежит заслуга в понимании славянофильской составляющей творчества Гоголя. Характерно, что за границей именно в Галиции „Тарас Бульба“ стал впоследствии наиболее популярным произведением русской классики и неоднократно издавался без перевода. Именно галичанами был глубоко воспринят объединительный пафос гоголевской повести и услышано ее „песенное начало“. В частности, галицким профессором Василием Романовичем Вавриком (...) была написана работа „Народная песня в повестях Н. В. Гоголя“» [Виноградов 2012, с. 20–27].

к православно-католической вере и язык русский» [Орлай 1826, с. 225]⁴. Именно русскому языку Орлай отводил объединительную роль среди славянских народов: «Россиянин с одним Славяно-Русским языком может пройти от Петропавловского на Восточном берегу Камчатки порта (...) до Балтийского моря, отселе чрез Польшу в Австрийскую Монархию, где находится более четырнадцати миллионов Славян — с лишком две трети подданных сей Империи; оттуда вниз до Рагаузы (ныне Дубровник в Хорватии), Венеции и даже до конца берегов Адриатического моря, не говоря уже о южных странах России, об Украине, Малороссии, о жителях берегов Черного, Азовского и Каспийского морей...» [Орлай 1825, с. 323–324; цит. по: Виноградов 2012, с. 24]. Ваврику, безусловно, были известны работы по истории карпатороссов выдающегося деятеля русинского просвещения Орлая.

С началом Первой мировой войны в Прикарпатье начался массовый террор против русских галичан, подозреваемых в симпатиях к России, к русской культуре, с целью ликвидации русинского движения, см.: [Ваврик 1930b; Пашаева 2007, с. 140–149; Суляк 2006, с. 46–65; Шевченко, с. 13–24]. Ваврик, студент юридического факультета Львовского университета, за проповедь общеславянского единства оказался среди узников в застенках австрийских концлагерей Терезин (Северная Чехия), а затем Талергоф (под Грацем, Австрия), первых концентрационных лагерей для русофилов (москвофилов) в Европе, предшественников фашистских Освенцима и Бухенвальда; позже об ужасах этих тюрем и геноциде прикарпатских русских Ваврик написал книгу «Терезин и Талергоф», переведенную на многие языки мира [Ваврик 2007; Суляк 2008b, с. 69–75].

Осенью 1915 г. как узник он был мобилизован в австрийскую армию. Вскоре на итальянском фронте в Альпах Ваврик был взят в плен. Благодаря вмешательству российского посла в Италии М. Н. фон Гирса был освобожден (1917); перебрался во Францию, где вступил в русский Экспедиционный корпус французской армии, воевавший против немцев. Перед Октябрьской революцией оказался в Петрограде, см.: [Пашаева 2007, с. 145–146]. Власть большевиков он не признал и с началом Гражданской войны вступил в Южнорусскую Добровольческую армию, опорным пунктом которой был Ростов-на-Дону (май 1918 — январь 1920). В чине капитана с марта 1918 г. возглавил сформированный в Ростове-на-Дону Карпаторусский отряд, принимавший участие в начале 1920 г. в составе армии барона П. Н. Врангеля в обороне Крыма от наступления Красной армии. В своих воспоминаниях

⁴ Подробнее об Орлае и его просветительской деятельности см.: [Байцура; Николаенко, с. 158–168; Пашаева 2008, с. 130–132].

о деятельности отряда Ваврик писал: «Революция расшатала устои, величие и славу Русской империи. Строительство новой, единой Руси начала Добровольческая армия во главе с известными патриотами — генералами Алексеевым, Корниловым, Марковым и Деникиным. Веря тогда в возможность победы над большевиками, Совет Прикарпатской Руси в Ростове-на-Дону счел необходимым иметь в рядах Добровольческой армии свой собственный отряд» [Ваврик 1923, с. 2].

После разгрома армии Врангеля Ваврик эвакуировался в Сербию, откуда переехал вначале в Ужгород, а затем в Чехословакию (1921), к которой на правах автономной области в составе республики присоединилась Подкарпатская Русь (предварительное название нового славянского государства было Русинско), см.: [Егорова, с. 198–210]. После окончания философского факультета Пражского Карлова университета со степенью доктора (1922–1926) вернулся во Львов, служил в старейшем учреждении галицких русофилов Ставропигийском институте (1927–1939); после присоединения Западной Украины к СССР в 1939 г. преподавал славянскую филологию во Львовском университете (1939–1944); во время Великой Отечественной войны участвовал в деятельности советского антифашистского подполья. После войны преподавал, работал научным сотрудником Львовского исторического музея (1944–1951). Умер в июле 1970 г., похоронен на Лычаковском кладбище Львова, в «Гробнице галицко-русских писателей» [Шлепецкий, с. 10–13; Аристова, с. 143]⁵; см. также: [Баринов, с. 239–273].

Обширный архив Ваврика (ценный источник по истории русинского движения в Австро-Венгрии) хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки⁶. В Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН хранится статья ученого «Кто такая Эллис в „Призраках“ И. С. Тургенева?» (1919), которая недавно была опубликована [Ваврик 2020, с. 326–336]. Высокую оценку в современной науке о Гоголе получила работа Ваврика «Народная песня в повестях Н. В. Гоголя», см.: [Ваврик 1927, с. 134–142; Виноградов 2012, с. 20–27].

Возможно, работа Ваврика «„Двенадцать“ Александра Блока», написанная в год сорокалетнего юбилея поэта, была подготовлена им для какого-то русскоязычного чехословацкого издания, но по неизвестной причине публикация не состоялась. Не исключено, что статья писалась в стенах Коммерческой академии в Праге, поскольку на титуле тетради с текстом значит-

⁵ См. также публикацию части рукописи автобиографических очерков Ваврика «На закате гаснущих дней» (воспоминания о семье) [Ахременко, с. 83–89].

⁶ ОР РНБ. Ф. 1081 (личный фонд В. Р. Ваврика). 1311 ед. хр.; описание архива см.: [Ахременко, с. 83–89].

ся: Vasilij Romanovič Vavrik. «Двенадцать» А. Блока. 1920 г. *Československá akademie obchodní v Praze*⁷. Известно, что годом позже Ваврик поступил в Пражский Карлов университет, академический центр русской эмиграции. Следует заметить, что статья, датированная автором 1920 г., позже дополнялась, о чем свидетельствует приведенная Вавриком ссылка на статью Е. Н. Чирикова «О прозрениях Ф. М. Достоевского», вышедшую в Праге в 1922 г. [Чириков, с. 41–46]; републикацию см.: [Михайлова, Назарова, с. 199–205]. Более того, рассуждения Ваврика о революции и Гражданской войне как катастрофе напрямую соотносятся с основными положениями цитируемой статьи Чирикова, полагавшего, что осуществленное русским социалистом в политических целях кровопролитие — «догмат революционной веры — стало моралью и нормой оболыщенной бесами русской интеллигенции, переступившей через Христа и Его главную заповедь в отношении ближнего» [см.: Михайлова, Назарова, с. 192–198]. Очевидное знакомство Ваврика со статьей Чирикова, вышедшей в 1922 г., позволяет расширить временные рамки статьи, датировав ее 1920–1922 гг.

Несмотря на подзаголовок «Несколько критических заметок», Ваврик избегает критического анализа поэмы «Двенадцать» (1918) в привычном, филологическом его смысле. Автор, свидетель революционных событий в Петрограде, участник боевых действий против большевиков в составе Карпаторусского отряда, по-своему рассматривает это смутное время. Размышления о том, в чем заключался неправильный ход русской революции, он иллюстрирует картинами поэмы А. Блока, как соответствующими реальности и духу времени. Следует заметить, что А. Блок безоговорочно принял Октябрьскую революцию как стихийность, создающую новую гармонию, одним из первых интеллигентов он начал работать с новой властью, снискав репутацию большевика. «Музыка революции», очаровавшая Блока и вдохновившая его на создание поэмы — гимна революции, воспринимается Вавриком как хаос, победная вакханалия пьяной толпы и торжество мещанской пошлости и низменных инстинктов.

Поэма «Двенадцать» была написана в январе 1918 г. и в феврале опубликована. На вопрос анкеты газеты «Петроградское эхо», озаглавленной «Как выйти из тупика? Возможно ли примирение интеллигенции с большевиками?», Блок ответил утвердительно: «Может и должна», пообещав посвятить этой теме специальную статью «Россия и интеллигенция» [Блок, с. 2]. Вероятно, Ваврику была известна также и статья А. Блока «Интеллигенция и революция», написанная и опубликованная незадолго до поэмы,

⁷ ОР РНБ. Ф. 1081. № 184. Л. 1.

в январе 1918 г., в которой говорилось, что интеллигенция, «лучшие люди», не могут оставаться в стороне, «ухмыляться, плакать, ломать руки, ахать над Россией, над которой пролетает революционный циклон», презирать народ и предекать скорейший крах. Очевидно, что публицистические рассуждения Ваврика полемически толкуют именно этот тезис поэта об отношении интеллигенции к народу и революции. Поэма, получившая признание у советской общественности, прочитывается Вавриком лишь как правдивое изображение бытовых реалий чудовищной действительности, см.: [Грякалова, с. 5–25]. Скорее всего, он намеренно лишает произведение его философского подтекста — ненависти к старому миру и надежды на обновление: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию», великую «музыку будущего»⁸.

Автору статьи, несомненно, была известна крайне резкая эмигрантская реакция на поэму, однако, повторим, Ваврик не пытается критически осмыслить «Двенадцать» как художественное произведение и пополнить обширный перечень негативных отзывов. Скорее, это связанные с историческим моментом публицистические размышления русинского поэта, не принявшего Октябрьскую революцию и власть большевиков и сделавшего вывод на основе собственного опыта участия в Гражданской войне, что революция — это «крах русской державы», вину за который несет русская интеллигенция. Публикуемая статья Ваврика представляет интерес не только как неизвестный факт его литературно-публицистической деятельности, но и как одно из полемических осмыслений поэмы А. Блока «Двенадцать» в обширной и разноречивой литературе о произведении.

Статья публикуется в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, за исключением характерных авторских особенностей, сохраненных в публикации без изменений, по автографу: ОР РНБ. Ф. 1081 (личный фонд В. Р. Ваврика). № 184. 8 л. На обл. тетради: «Двенадцать» А. Блока. 1920 г. (Л. 1). Л. 2–8 об. Все курсивы в цитатах из поэмы принадлежат Ваврику.

⁸ Об истории создания поэмы и спорах вокруг нее подробнее см.: [Иванова, с. 117–198 (Гл. III. Поэма «Двенадцать» в судьбе Блока)].

«ДВЕНАДЦАТЬ» АЛЕКСАНДРА БЛОКА (Несколько критических заметок)

1.

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер —
На всем Божьем свете!

Завивает ветер...

Ветер обозначает стихию революции, и все русские и заграничные критики согласны с этим. Революция вскружила умы русских людей и сбила их с толку. «На ногах не стоит человек». Не было в России такого человека, который не увлекся бы революцией. В ее водовороте забыты те правды и основания, на которых стоит человечество. Теперь можно разобраться хладнокровно, и смело можно сказать: революция — крах русской державы, крах тысячелетнего государственного устоя. Те, которые считались верхами народа, — вожди и интеллигенция — оказались бледными светочами, малодушными и неподготовленными вожатыми, и народные массы вверили свою судьбу ловким и хитрым любителям власти, пришедшим из-за границы.

Революцию начала интеллигенция с хорошим и благородным намерением:

Вся власть Учредительному Собранию!

Она ее начала, но не кончила, и иначе быть не могло вследствие того, что массы не понимали значения Учредительного собрания, они не были достаточно подготовлены к такому событию.

Старушка убивается — плачет,
Никак не поймет, что значит,
На что такой плакат,
Такой огромный лоскут?
Сколько бы вышло портянок для ребят,
А всякий — раздет, разут...

Иначе быть не могло, ибо русское общество, прочитавшее поверхностно Нитше, Гегеля, Шопенгауэра, Маркса и Энгельса, перенялось теория-

ми никогда несбыточными и никогда для русского народа неприемлемыми. Толстовское «непротивление злу» было понято плохо, и русское общество думало, что зла нельзя одолеть. Оно разошлось с русской действительностью и обыденной жизнью и вследствие общечеловеческих мировоззрений отошло от национального пути, не поняло момента, не владело силою к высшему полету, перешло на пустой разговор и громкие фразы и погубило революцию.

Писатель Евгений Николаевич Чириков в статье «О прозрениях Ф. М. Достоевского» пишет следующее: «Интеллигентский путь свернул в сторону псевдонаучных теоретических построений космополитического характера. Окно в Европу было прорублено Петром В(еликим), но свет светил лишь немногим избранным, да и те были мало подготовлены к самостоятельной переработке сложных социально-политических и моральных проблем западноевропейской мысли. На западе эти новые идеи вырабатывались веками и поколениями людей науки и мысли. К нам они явились в готовом виде и зажигали огнем мечтательной фантазии сердца и души избранных единиц. Такие люди становились мечтателями по отношению к русской действительности, ибо в мечтах своих они переросли ее на целое столетие. Наша малочисленная интеллигенция сидела у окна в Европу, смотрела и слушала, что говорится и делается в разных „царствах-государствах“, думала и чувствовала. С жадностью поглощая эти идеи об окончательном освобождении человечества, эта интеллигенция оставалась на родине на рабском положении, а путем чисто умозрительным начала себя чувствовать гражданином всего мира, гражданином от человечества. Какой иронией в ее ушах звучал карамзинский призыв к „любви к родине“ и к народной гордости⁹. Дома они были „лишние люди“. Оставалось только сперва мыслить, рассуждать и страдать, потом — отрицать, разрушать и уходить в подпольную работу»¹⁰.

⁹ Речь идет о статье Н. М. Карамзина «О любви к Отечеству и народной гордости» (1802), в которой говорилось: «...Не говорю, чтобы любовь к отечеству долженствовала ослеплять нас и уверять, что мы всех и во всем лучше; но русский должен по крайней мере знать цену свою. Согласимся, что некоторые народы вообще нас просвещеннее: ибо обстоятельства были для них счастливее; но почувствуем же и все благодеяния судьбы в рассуждении народа российского; станем смело наряду с другими, скажем ясно имя свое и повторим его с благородною гордостью» [Карамзин, с. 231–237].

¹⁰ Имеется в виду статья Е. Н. Чирикова, опубликованная в эмигрантском сборнике «Младорусь», организатором издания выступил Карлов университет [Чириков, с. 41–46.]. Ваврик неточно цитирует статью Чирикова. Сборник (вышло только две книги) был посвящен «идеям всеславянства», «объединению и развитию молодых дарований за рубежом». В первый сборник вошли публикации Г. В. Флоровского, П. И. Новгородцева, С. К. Маковского, Е. Чирикова, Ваврика и др.

В революцию интеллигенция показала свою неработоспособность, и великое дело революции перешло в руки толпы, которая обрушилась на «лишних людей», и Александр Блок рисует следующую картину:

Ветер хлесткий!
Не отстает и мороз!
И *буржуй* на перекрестке
В воротник упрятал нос.

А это кто? — Длинные волосы
И говорит вполголоса:
— Предатели!
— Погибла Россия!
Должно быть, *писатель* —
Вития...

А вон и долгополый —
Сторонкой — за сугроб..
Что нынче невеселый,
Товарищ *поп*?

Помнишь, как бывало
Брюхом шел вперед,
И крестом сияло
Брюхо на народ?..

Вон *барыня* в каракуле
К другой подвернулась:
— Ужь мы плакали, плакали..
Поскользнулась
И — бац — растянулась!

Итак, на улице, на перекрестке, нашлись все те, что представляли официальную Россию: буржуа, писатели, священники, баре — почему? Когда подойдем к правде и вникнем в нее, то нам ясно станет, что так должно было случиться. Русское правительство держалось на дворянстве и духовенстве, которым представлены были все блага, а мужику не доставалось ничего. Он, если имел землю, превращался в эту землю, если не имел, ступал по пристаням, у подъездов барских палат или шел в город в рабочие артели. Он не имел родины, Руси и отечества. Он был босяком и скитальцем, и все родное было для него чужим. Никто его не знал, так и в революцию (он) не хотел знать никого. Русская интеллигенция была одно тело, русское безземельное крестьянство — второе тело. Между ними существовала пропасть, разделяющая их на далекое расстояние. Душа народа была оставлена самому

себе, она не была выработана постоянной школой и проповедью. «Хождение в народ» носило романтическую окраску, в действительности вельможи вели разгульную жизнь, уничтожая народное добро, закон превратился в своевластие и своеволие, помещики и священники стали тяжестью для народа. Всенародный ропот рос не по дням, а по часам. Революция, как ураган, потрясла весь организм и все составные части русского народа, и надо сказать, что революция — не случайность, не бунт, а жизненная потребность русского народа. Только революция могла с корнем вырвать бесконечное число Собакевичей, знающих только жрать всю свою жизнь, бесконечное число Плюшкиных, гниющих со всем своим необозримым имуществом, бесконечное число Ноздревых, Хлестаковых и Чичиковых, живущих на чужой счет и обманывающих бессовестно¹¹. Только революция могла очистить русский народ от развратных, циничных и бездарных Карамазовых и Смердяковых, от скучающих и шатающихся без цели Райских и Рудиных и ленивых Обломовых¹². Только революция могла смести дворянство и духовенство, обдирающее народ, обманывающее и доведшее русский народ до отчаяния. Только (революция) могла признать за крестьянством человеческие права и право на землю, принадлежащую ему, и только революция могла изменить владычный, нерусский режим.

Дорого поплатилась Русская земля за ошибки правящих и вообще интеллигентных кругов.

Ветер веселый
И зол, и рад.
Крутит подолы,
Прохожих косит,
Рвет, мнет...

Предполагаемая бескровная революция превратилась в бездну крови на всех концах великой русской державы. Везде, на каждом шагу лилась русская кровь, революция превратилась в бойню. Сотни тысяч людей, памятники, железные дороги, заводы, промышленность уничтожены руками русского мужика; поруганы святыни, могилы, гробы; истреблены вера, народные заветы, вежливость, доброта — возвышенные качества славянина.

¹¹ Упомянуты главные персонажи поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» (1842): Собакевич, Плюшкин, Ноздрев, Чичиков, а также главное действующее лицо комедии Гоголя «Ревизор» (1836) Хлестаков.

¹² Имеются в виду персонажи романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1879–1880), а также герои романов И. С. Тургенева «Рудин» (1856) и И. А. Гончарова «Обломов» (1859).

Злоба, грустная злоба
Кипит в груди...
Черная злоба, святая злоба...

2.

Гуляет ветер, — (...)
Идут *двенадцать человек*.

Винтовок черные ремни,
Кругом — огни, огни, огни...

Эти двенадцать человек есть апостолы русской революции. Они все бродяги, встретившиеся на улице, которые с «грустной, черною злобою в груди» надели винтовки и пошли бороться за свободу:

— Вся власть Учредительному Собранию!..

К сожалению, это было только увлечение и опять с ударением надо сказать, что так оно должно было случиться. Русский народ в своих деревнях до революции жил почти первобытной жизнью. Солнце просвещения не заглядывало в его хаты в такой мере, чтобы он мог самостоятельно, без интеллигенции решить судьбу правления. «Мы темные, мы слепые, и ничего мы не знаем» — приходилось мне очень часто слышать от русских крестьян, и в действительности безграмотность в русских селениях ужасающая. Пишет и читает только молодое поколение, старики же почти все безграмотны. Газет, журналов и произведений, касающихся его, русский народ читал очень мало. Все свои сведения он зачерпывал на сходах, которые созывались колокольным голосом на площадь, перед управлением селения. Старшина, староста или писарь прочитывали какой-нибудь приказ или объявления, и читающий кое-что добавлял от себя, и крестьянство опять расходилось гурьбою по домам. Священники, учителя и прочие, т(ак) н(азываемые) интеллигенты, т. (е.) приставы, агрономы, лекари, фельдшера, дьяконы, дьячки придерживались формальности только на бумаге, в сущности, сидели на спине народа и истощали его состояние. Вследствие этого народ возненавидел свою интеллигенцию и не верил ей совершенно.

Русь древняя с свободным народным вечем перешла в руки высокопоставленных лиц, зачастую нерусского происхождения. Власть разошлась с нуждами и требованиями народа, и вследствие этого Русь перестала быть народным идеалом. Совершилось неслыханное злодеяние:

Товарищ, винтовку держи, не трусь!
Пальнем-ка пулей в Святую Русь —

в родную мать, Родину, правда, это ужасно! Как это так случилось, что «народ-богоносец»¹³ выстрелил в Святую Русь?

Русский народ долготерпелив, и наболевшее горе толкнуло его на этот шаг. Впрочем, совсем бессознательно отдался он «свободе».

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!

Тра-та-та!

Точно отчаяние им овладело, и здесь нужно подчеркнуть, что русский народ неуравновешен и не знает определенной мерки. Он безгранично добр, но и без меры зол. Добр до наивности, но в злости вспыхнет, как огонь, вырвавшийся из груды пепла.

Вот почему в «святой злобе» он стрелял в «Святую Русь».

3.

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!

Интернационализм погубил русскую народную революцию. Вообще революция удастся тогда, когда она руководится одними национальными соображениями. Русская интеллигенция не сделала ровно ничего до великой войны в том направлении, чтобы не дать выбить из колеи державу. Она увлеклась чем-то чужим и далеким, отравляла свою душу всякого рода фантастическими иллюзиями и смотрела сквозь пальцы, что идет голытьба ей на смену, которая подняла «пожар в крови» во имя мировой революции. Русский народ такой революции не желал и вовсе не думал о ней. Городской пролетариат выкинул это знамя, и за это вина падает опять на интеллигенцию.

¹³ Выражение из романа Достоевского «Бесы» (1871–1872). Шатов говорит Ставрогину: «Но истина одна, а стало быть, только единый из народов и может иметь Бога истинного, хотя бы остальные народы и имели своих особых и великих богов. Единый народ-„богоносец“ — это русский народ...» (Часть вторая. Гл. 1).

4.

Вот так Ванька — он плечист!
Вот так Ванька — он *речист!*
Катьку-дуру обнимает,
Заговаривает...

Запрокинулась лицом,
Зубки блещут жемчугом...
Ах, ты Катя, моя Катя,
Толстоморденькая...

5.

У тебя на шее, Катя,
Шрам не зажил от ножа.
У тебя под грудью, Катя,
Та царапина свежа!
Эх, эх, попляши!
Больно ножки хороши!

В кружевном белье ходила —
Походи-ка, походи!
С офицерами *блудила* —
Поблуди-ка, поблуди!
Эх, эх, поблуди!
Сердце ёкнуло в груди!

Гетры серые носила,
Шоколад Миньон *жрала*,
С юнкерем гулять ходила —
С солдатьем теперь пошла?
Эх, эх, согреси!
Будет легче для души!

Падение нравственности весьма печальное явление, но оно неизбежное при революции. Возвышенные чувства, загоревшиеся при первом зареве революции, скоро потухли, и низкие инстинкты распоясались. Полились по всей Руси бессмысленные речи, в которых говорилось и возможное, и невозможное, и ораторы, увлекаясь ими, думали, что перешагивают Великую французскую революцию¹⁴. Вслед за этим пришла вакханалия: праздность, обжорство, буйство, и в начале провозглашенное

¹⁴ Великая французская революция (1789–1899) уничтожила старый сословный режим — абсолютную монархию — и провозгласила республику свободных и равных граждан; девизом нового политического устройства стал лозунг: «Свобода, равенство и братство» — как неотъемлемые права человека.

Вся власть Учредительному Собранию!

вылилось в другую форму:

...у нас было собрание...

...Вот в этом здании...

...Обсудили —

Постановили:

На время — десять, на ночь — двадцать пять...

...И меньше — ни с кого не брать...

...Пойдемте спать...

Призыв: «Вся власть Учредительному Собранию» — потерял силу в урагане разгула и буйства. «Золотая свобода» перешла в не знающее границ пьянство. Пьянство, какое возникло в революцию, одолело этого богатыря на кляче, объезжающего русские деревни и города, и где только кляча ударила, там и выросстал кабак, — одолело богатыря (пьянство), о котором писал А. Толстой¹⁵. Теперь с веселием повторялась поговорка Владимира В(еликого): «Руси есть веселие пити»¹⁶. Пьяная толпа разбивала винные заводы и громила все, что попадалось ей под руки. Действие разных самогонов и денатуратов пробудило в человеке зверя. С прискорбием приходится упомянуть, что пресловутое «братание» с немцами и австрийцами происходило при помощи алкоголя. Порок родил порок, падение влекло за собою падение, верхом которого была проституция. А. Блок не жалеет красок по этому поводу.

Эх, эх, освежи,
Спать с собою положи!

¹⁵ Пересказ стихотворения А. К. Толстого «Богатырь» (1849):

По русскому славному царству,
На кляче разбитой верхом,
Один богатырь разъезжает (...)
«Отведайте водки моей!»
Он потчует всех без разбору. (...)
Где кляча ударит копытом,
Там тотчас стоит и кабак. (...)
Дерутся и режутся братья,
И мать дочерей продает (...)
И череп безглазый смеется:
«Призвание мое свершено!..»

¹⁶ Выражение, ставшее хрестоматийным, восходит к летописи «Повесть временных лет» Нестора (2-я пол. XI — нач. XII в.); принадлежит киевскому князю Владимиру Святославичу, выбиравшему веру для Руси и отказавшемуся от принятия мусульманства, поскольку оно отказывалось от вина: «Руси есть веселие пити, не можем без того быти».

6.

Трах — тарарах — тах — тах — тах — тах!
Еще разок! Взводи курок!..

Трах — тарарах!..

А Катька где? — Мертва, мертва!

Лежи ты, *падаль*, на снегу!

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

В половине своей поэмы А. Блок рисует революцию в ее самом разгаре. Началась гражданская борьба, борьба классов и сословий. Бряцание брони и штыков, позиции, баррикады, стрельба, грохот автомобилей, треск пулеметов слышатся в этом «трах — тарарах — тах». На улицах, на площадях, в каналах, в речках валялись людские трупы. Началась бойня, безжалостная бойня — месть до крови, будто бы жажда крови превратилась в болезнь. Мне приходилось видеть тела, изрубленные шашками, прикладами разбитые мозги, окровавленные лица с диким и зловещим выражением и с выколотыми очами. Падаль человеческого тела можно было найти и в городе, и в деревне, и в степи, или на виселице, или в помойной яме!

Эх, эх, без креста!

Отсутствие здравого рассудка. Русь, как убитая. Семейная жизнь разрушена, наука, поэзия, гармония жизни подавлены и заглушены чиканьем, свистом и треском армат¹⁷ и пулеметов. Ужасы, проклятия, кровь — братская кровь залила русскую землю.

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

Два братские лагеря, став друг против друга, дышат непонятной для них самих ненавистью и жаждой мести. С размаха, в бешеном пылу убивается все, что под руками, даже «Катя толстоморденская», ничего не понимающая в революции, переходившая из рук в руки.

¹⁷ Армата (*лат.* arma — оружие) — одно из первых названий артиллерийских пушек, появившихся на Руси во 2-й пол. XIV в.

7.

И опять идут двенадцать,
За плечами — ружьеца.
Лишь у бедного убийцы
Не видать совсем лица...

В первых шести песнях «Двенадцати» изобразил А. Блок людей, упившихся стихией революции, ломающих и уничтожающих все, не рассуждая всецело: хорошо ли это или плохо. В последних шести стихах находим другие картины. Не легко говорить про русский народ: его души не понимают и те, что вышли из него, — самые русские. Этот удел достается немногим избранным, как Пушкину, Гоголю, Достоевскому, Толстому и достался и Александру Блоку. Душа русского народа скрыта, в себе замкнута, и не сразу добьетесь вы у русского человека его тайны. Он вам будет говорить такое, что вы ничего не поймете из сказанного. Часто русский мужик пожимает плечами, ничего не отвечая на вопросы. Тайники русской души непостижимы и необъяснимы. Однако не надо думать, что русский человек зол, нет, — душа его благородная и совесть просыпается. Когда пройдет пьяный хмель, когда вышумит из головы дурь и пройдет злоба, он опомнится, и жалко ему станет своей жертвы.

— Что, товарищ, ты не весел?
— Что, дружок, оторопел?
— Что, Петруха, нос повесил,
Или Катьку пожалел?

— Ох, товарищи, родные,
Эту девку я любил...
Ночки черные, хмельные
С этой девкой проводил...

— Из-за удали бедовой
Загубил я *сгоряча*... ах!

Весь неправильный ход русской революции заключается именно в этом: «сгоряча». Русский человек даже в самых важных делах многое делает сгоряча и на авось. Он берется за дело, не высчитав вперед, будет ли ему из этого какая-нибудь польза или нет. «Риск — хорошее дело», — скажет он и не обдумавши как следует идет втемную, приговаривая: «Ничего... что-нибудь да выйдет из этого».

В убийце проснулась совесть, и кручина сдавливая его сердце, он еле плетется и под звуки шарманки готов вскрыть свою душу, высказать все свое горе. Но друзья его смеются над ним и не позволяют:

— Не такое нынче время,
Чтобы нянчиться с тобой!

Однако «Петруха замедляет торопливые шаги»; он все еще полон тоски и досады на себя. Вдруг, опять «сгоряча», в полном отчаянии, он потряхивает головою, желая отогнать все мучившие его мысли, и ищет выхода.

Эх, эх!
Позабавиться не грех!

и выход находит следующий:

Запирайте этажи,
Нынче будут грабежи!

Отмыкайте погреба —
Гуляет нынче гольтьба!

Потеряв лицо, ударив лицом в грязь, обагрив свои руки кровью, «бедный убийца» ищет забвения в грабеже, в разбивании погребов, в гульбе и пьянстве, чтобы усыпить совесть. Это так всегда бывает у человека. Но каково его положение?

8.

Ох ты, горе-горькое!
Скука скучная,
Смертная!

Ужь я времячко
Проведу, проведу...

Ужь я темячко
Почешу, почешу...

Ужь я семячки
Полущу, полущу...

Ужь я ножичком
Полосну, полосну!..

Ты лети, буржуй, воробышком!
Выпью кровушку
За зазнобушку,
Чернобровушку...
Упокой, Господи, душу рабы твоя...

Скучно!

Литература

- Аристова — *Аристова Т. Ф.* В. Р. Ваврик: [Некролог] // Советское славяноведение. 1971. № 1. С. 143.
- Ахременко — *Ахременко Д. А.* Документальное наследие Василия Романовича Ваврика как исторический источник // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2018. № 2 (11). С. 83–89.
- Байцура — *Байцура Т.* Иван Семенович Орлай: Жизнь и деятельность. Братислава; Пряшев: Словацкое пед. изд-во, отд-ние укр. лит., 1977. 237 с.
- Баринов — *Баринов И.* Три жизни доктора Ваврика: к истории одного мифа из прошлого Галиции, 1914–1956 гг. // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры: Рус. изд. 2016. № 1. С. 239–273. URL: <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss25.html> Дата обращения: 03.11.2021.
- Блок — *Блок А.* [Интервью газете «Петроградское эхо»] // Петроградское эхо. 1918. № 10, 18 янв. С. 2.
- Ваврик 1922 — *Ваврик В. Р.* Побег из плена генерала Корнилова через Карпаты // Младорусь: Периодический сборник / Под ред. В. Ильинского. Прага: Славянское изд-во, 1922. Кн. 1. С. 32–37.
- Ваврик 1923 — *Ваврик В. Р.* Карпатороссы в Корниловском походе и Добровольческой армии. Львов: Тип. Ставропигийского ин-та, 1923. 47 с.
- Ваврик 1927 — *Ваврик В.* Народная песня в повестях Н. В. Гоголя // Наука. 1927. № 5/6. С. 134–142; отд. изд.: Львов, 1928.
- Ваврик 1930a — *Ваврик В. Р.* Галицкая литература «Слова о полку Игореве». Львов: Тип. Ставропигийского ин-та, 1930. 16 с.
- Ваврик 1930b — *Ваврик В. Р.* Справка о русском движении в Галичине, с библиографией за 1929 год. Львов: Тип. Ставропигийского ин-та, 1930. 16 с.
- Ваврик 1973 — *Ваврик В. Р.* Краткий очерк галицко-русской письменности. Лувен (Бельгия): A. Rosseels Printing Co, 1973. 80 с.
- Ваврик 2007 — *Ваврик В. Р.* Терезин и Талергоф // Геноцид карпаторусских «москвофилов» — намеренно замолчанная трагедия XX в. М.: Изд-во Консервативного клуба, 2007. С. 69–111.
- Ваврик 2020 — *Ваврик В. Р.* Кто такая Эллис в «Призраках» И. С. Тургенева? (1919) / Публ. С. А. Ипатовой // История русской литературы XIX–XX веков / История книжного дела в России в 1917–1927 годы: Памяти Анатолия Ивановича Батюто, 1920–2020: Сб. ст. и материалов. СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 326–336.
- Виноградов 2005 — *Виноградов И. А.* «Необыкновенный наставник» И. С. Орлай как прототип одного из героев второго тома «Мертвых душ» // Гоголевские студии. Киев; Симферополь: Крымский архив, 2005. Вып. 2 (13). С. 14–57.
- Виноградов 2012 — *Виноградов И. А.* Гоголь о единстве славян // Гоголь и традиционная славянская культура: Двенадцатые Гоголевские чтения: Сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф. Новосибирск: Новосибирский издат. дом, 2012. С. 20–27.
- Виноградов 2014 — *Виноградов И. А.* Н. В. Гоголь как славянофил: славянская тема в наследии писателя // Евангельский текст в русской литературе XII–XXI веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр / Отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. Вып. 9. С. 202–205.

- Грякалова — *Грякалова Н. Ю.* Поэма-мистерия «Двенадцать» и жанр «городских видений» в творчестве Александра Блока // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2020. Т. 6 / Отв. ред. Н. Ю. Грякалова. С. 5–25.
- Дуличенко — *Дуличенко А. Д.* Карпатские русины сегодня: некоторые этнолингвистические аспекты // Славяноведение. 2005. № 1. С. 20–29.
- Егорова — *Егорова К. Б.* Подкарпатская Русь в контексте культурного многоязычия первой Чехословацкой республики // Вестник С.-Петербургского ун-та. История. 2016. Вып. 4. С. 198–210.
- Иванова — *Иванова Е. В.* Александр Блок: последние годы жизни. СПб.; М.: Росток, 2012. 608 с.
- Карамзин — *Карамзин Н. М.* Избранные труды / Сост. А. А. Ширинянц, А. Ю. Старостин. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 486 с.
- Михайлова, Назарова — *Михайлова М. В., Назарова А. В. Е. Н.* Чириков о Достоевском // От Чехова до Бродского: Эстетические и философские аспекты русской литературы XX века: Кол. монография. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2019. С. 192–205.
- Нам, Наумова — *Нам И. В., Наумова Н. И.* Историческая память и национально-политическая идентификация русинов: 1914–1920 гг. // Русин. Кишинев (Молдова), 2015. № 4 (42). С. 126–142.
- Неменский — *Неменский О. Б.* Восточнославянский этнический сепаратизм: Русины и казаки // Актуальные проблемы Европы: Сб. науч. тр. ИНИОН РАН. М., 2009. № 3: Сепаратизм в современной Европе. С. 149–174.
- Николаенко — *Николаенко А.* Учитель и его ученики // Русин. Кишинев (Молдова), 2006. № 3 (5). С. 158–168.
- Орлай 1804 — *Орлай [И. С.]*. История о Карпато-Россах, или О переселении Россиян в Карпатские горы и о приключениях с ними случившихся // Северный вестник. 1804. Ч. 1, т. 2, № 9. С. 158–172, 261–276; Ч. 3. С. 265–294.
- Орлай 1825 — [*Орлай И. С.*] О необходимости обучаться преимущественно отечественному языку и нечто об обучении языкам иностранным // Записки, издаваемые от Департамента народного просвещения. СПб., 1825. Кн. 1. С. 323–324.
- Орлай 1826 — *Орлай И. О.* Юго-Западной Руси (письмо из Нежина к секретарю Общества) // Труды и записки Общества истории и древностей Российских. М.: Университетская тип., 1826. Ч. 3, кн. 1. С. 225.
- Пашаева 2007 — *Пашаева Н. М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. 2-е изд., доп. М.: Имперская традиция, 2007. 192 с.
- Пашаева 2008 — *Пашаева Н.* Карпаторусские интеллигенты в России в 1-й половине XIX века: Орлай, Балугьянский, Лодий, Кукольник, Венелин // Русин. Кишинев (Молдова), 2008. № 3–4 (13–14). С. 130–132.
- Пинчук — *Пинчук С. П.* Ваврик В. Р. // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 1. С. 178.
- Свенцицкий — *Свенцицкий И. С.* Материалы по истории возрождения Карпатской Руси. Львов: Печатня Ставропигийского института, 1905. Т. 1: Сношения Карпатской Руси с Россией в 1-й половине XIX века / Собрал И. С. Свенцицкий. 212 с.

- Слово о полку Игореве — Слово о полку Игореве, в 750-літню річницю его появи-
 ния, з вступним словом, поясненням тексту і переводом на галицько-руську
 народну мову [пер. В. Р. Ваврика]. Львів: Тип. Ставропигийского ин-та, 1937.
- Суляк 2006 — Суляк С. Г. Русины в период Первой мировой и русской смуты // Русин.
 Кишинев (Молдова), 2006. № 1 (3). С. 46–65.
- Суляк 2008a — Суляк С. Русины: уроки трагической истории // Русин. Кишинев (Мол-
 дова), 2008. № 3–4 (13–14). С. 7–34.
- Суляк 2008b — Суляк С. Талергоф и Терезин: забытый геноцид // Русин. Кишинев
 (Молдова), 2008. № 3–4 (13–14). С. 69–75.
- Чириков — Чириков Е. Н. О прозрениях Ф. М. Достоевского // Младорусь: Периоди-
 ческий сборник / Под ред. В. Ильинского. Прага: Славянское издательство,
 1922. Кн. 1. С. 41–46.
- Шевченко — Шевченко К. В. Отражение репрессивной политики против русинско-
 го населения накануне и в годы Первой мировой войны в публицистике
 // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2018.
 № 1 (10). С. 13–24.
- Шлепецкий — Шлепецкий И. В. Р. Ваврик: К 80-летию со дня его рождения // Свобод-
 ное слово Карпатской Руси. 1970. № 3/4. С. 10–13.

References

- Akhremenko, D. A. (2018). 'Dokumental'noe nasledie Vasiliya Romanovicha Vavrika kak is-
 toricheskii istochnik', *Novye istoricheskie perspektivy: ot Baltiki do Tikhogo okeana*, 2 (11), 83–89.
- Aristova, T. F. (1971). 'V. R. Vavrik [Nekrolog]', *Sovetskoe slavyanovedenie*. Moscow, 1, 143.
- Baitsura, T. (1977). *Ivan Semenovich Orlov: Zhizn' i deyatel'nost'*. Bratislava; Pryashev: Slo-
 vatskoe pedagogicheskoe izdatel'stvo, otdelenie ukrainskoi literatury. 237 p.
- Barinov, I. (2016). 'Tri zhizni doktora Vavrika: k istorii odnogo mifa iz proshlogo Galitsii,
 1914–1956 gody', *Forum noveishei vostochnoevropeiskoi istorii i kul'tury. Russ-
 koe izdanie*, 1, 239–273. URL: [http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhal-
 truss25.html](http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhal-

 truss25.html) Data obrashcheniya: 05.11.2021.
- Blok, A. (1918). '[Interv'yu gazete «Petrogradskoe ekho»]', *Petrogradskoe echo*, 10, 18 Yanv., 2.
- Chirikov, E. N. (1922). 'O prozreniyakh F. M. Dostoevskogo', *Mladorus': Periodicheskii sbornik*.
 V. Il'inskii, ed. Praga: Slavyanskoe izdatel'stvo. Vol. 1, 41–46.
- Dulichenko, A. D. (2005). 'Karpatskie rusiny segodnya: nekotorye etnolingvisticheskie as-
 pekty', *Slavyanovedenie*, 1, 20–29.
- Egorova, K. B. (2016). 'Podkarpatskaya Rus' v kontekste kul'turnogo mnogoyazychiya pervoi
 Chekhoslovatskoi respubliky', *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*,
 4, 198–210.
- Gryakalova, N. Yu. (2020). 'Poema-misteriya "Dvenadtsat'" i zhanr "gorodskikh videnii" v
 tvorchestve Aleksandra Bloka', in: N. Yu. Gryakalova, ed. *Aleksandr Blok. Issledo-
 vaniya i materialy*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo "Pushkinskii Dom". Vol. 6, 5–25.
- S. A. Ipatova, ed. (2020). Vavrik, V. R. "Kto takaya Ellis v "Prizrakakh" I. S. Turgeneva? (1919)",
 in: *Istoriya russkoi literatury XIX–XX vekov: Istoriya knizhnogo dela v Rossii v
 1917–1927 gody. Pamyati Anatoliya Ivanovicha Batyuto, 1920–2020: Sbornik
 statei i materialov*. Saint Petersburg: Skifiya-print, 326–336.
- Ivanova, E. (2012). *Aleksandr Blok: poslednie gody zhizni*. Saint Petersburg; Moscow: Rostok.
 608 p.

- Karamzin, N. M. (2010). *Izbrannye Trudy*. A. A. Shirinyants, A. Yu. Starostin, eds. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya. 486 p.
- Mikhailova, M. V., Nazarova, A. V. (2019). 'E. N. Chirikov o Dostoevskom', in: G. V. Zykova, S. I. Kormilov, eds. *Ot Chekhova do Brodskogo. Esteticheskie i filosofskie aspekty russkoi literatury XX veka. Kollektivnaya monografiya*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 192–205.
- Nam, I. V., Naumova, N. I. (2015). 'Istoricheskaya pamyat' i natsional'no-politicheskaya identifikatsiya rusinov. 1914–1920 gody', *Rusin*. Kishinev (Moldova), 4 (42), 126–142.
- Nemenskii, O. B. (2009). 'Vostochnoslavjanskii etnicheskii separatizm: Rusiny i kazaki', *Aktual'nye problemy Evropy*. Moscow: Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam Rossiiskoi akademii nauk. Vol. 3. Separatizm v sovremennoi Evrope, 149–174.
- Nikolaenko, A. (2006). 'Uchitel' i ego ucheniki', *Rusin*. Kishinev (Moldova), 3 (5), 158–168.
- Orlai, I. S. (1804). 'Istoriya o Karpato-Rossakh, ili O pereselenii Rossiyan v Karpatskie gory i o priklucheniakh s nimi sluchivshikhsya', *Severnyi vestnik*. Saint Petersburg. Part 1, Vol. 2, 9, 158–172, 261–276; Part 3, 265–294.
- Orlai, I. S. (1825). 'O neobkhodimosti obuchat'sya preimushchestvenno otechestvennomu yazyku i neшто ob obuchenii yazykam inostrannym', *Zapiski, izdavaemye ot Departamenta Narodnogo prosveshcheniya*. Saint Petersburg. Vol. 1, 323–324.
- Orlai, I. S. (1826). 'O Yugo-Zapadnoi Rusii (pis'mo iz Nezhina k sekretaryu Obshchestva)', in: *Trudy i zapiski Obshchestva istorii i drevnostei Rossiiskikh*. Moscow: Universitetskaya tipografiya. Vol. 3, 1, 225.
- Pashaeva, N. M. (2008). 'Karpatorusskie intelligenty v Rossii v pervoi polovine XIX veka: Orlai, Balug'yanskii, Lodii, Kukul'nik, Venelin', *Rusin*. Kishinev (Moldova), 3–4 (13–14), 130–132.
- Pashaeva, N. M. (2007). *Ocherki istorii russkogo dvizheniya v Galichine XIX–XX vekov*. 2nd ed. Moscow: Imperskaya traditsiya. 192 p.
- Pinchuk, S. P. (1995). 'Vavrik V. R.', in: L. A. Dmitriev, D. S. Likhachev, eds. *Entsiklopediya "Slova o polku Igoreve"*. 5 vols. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 1, 178.
- Shevchenko, K. V. (2018). 'Otrazhenie repressivnoi politiki protiv rusinskogo naseleniya nakanune i v gody Pervoi mirovoi voyny v publitsistike', *Novye istoricheskie perspektivy: ot Baltiki do Tikhogo okeana*, 1 (10), 13–24.
- Shlepetskii, I. (1970). 'V. R. Vavrik. K 80-letiyu so dnya ego rozhdeniya', *Svobodnoe slovo Karpatskoi Rusi*, 3/4, 10–13.
- Slovo o polku Igoreve, v 750-litnyu richnitsyu ego poyavleniya, v vzstupnim slovom, poyasneniyam tekstu i perevodom na galits'ko-rus'ku narodnu movu* [transl. V. R. Vavrik] (1937). L'viv: Tipografiya Stavropigiiskogo instituta.
- Sulyak, S. G. (2008). 'Rusiny: uroki tragicheskoi istorii', *Rusin*. Kishinev (Moldova), 3–4 (13–14), 7–34.
- Sulyak, S. G. (2006). 'Rusiny v period Pervoi mirovoi i russkoi smuty', *Rusin*. Kishinev (Moldova), 1 (3), 46–65.
- Sulyak, S. G. (2008). 'Talergof i Terezin: zabytyi genotsid', *Rusin*. Kishinev (Moldova), 3–4 (13–14), 69–75.
- Svetsitskii, I. S. (1905). *Materialy po istorii vozrozhdeniya Karpatskoi Rusi*. L'viv: Pechatnya Stavropigiiskogo Instituta. Vol. 1. Snosheniya Karpatskoi Rusi s Rossiei v pervoi polovine XIX veka. 212 p.

- Vavrik, V. (1930). *Galitskaya literatura "Slova o polku Igoreve"*. L'vov: Tipografiya Stavropigiiskogo instituta. 16 p.
- Vavrik, V. R. (1923). *Karpatorossy v Kornilovskom pokhode i Dobrovol'cheskoi armii*. L'vov: Tipografiya Stavropigiiskogo instituta. 47 p.
- Vavrik, V. R. (1973). *Kratkii ocherk galitsko-russkoi pis'mennosti*. Luven (Belgium): A. Rosseels Printing Co. 80 p.
- Vavrik, V. (1927). 'Narodnaya pesnya v povestyakh N. V. Gogolya', *Nauka*, 5/6, 134–142; ot del'noe izdanie: L'vov, 1928.
- Vavrik, V. R. (1922). 'Pobeg iz plena generala Kornilova cherez Karpaty', in: *Mladorus': Periodicheskii sbornik*. V. Il'inskii, ed. Praga: Slavyanskoe izdatel'stvo. Vol. 1, 32–37.
- Vavrik, V. R. (1930). *Spravka o russkom dvizhenii v Galichine, s bibliografiei za 1929 god*. L'vov: Tipografiya Stavropigiiskogo instituta. 16 p.
- Vavrik, V. R. (2007). 'Terezin i Talergof', in: *Genotsid karpatorusskikh "moskvofilov" — namerenno zamolchannaya tragediya XX veka*. Moscow: Izdatel'stvo Konservativnogo kluba, 69–111.
- Vinogradov, I. A. (2014). 'N. V. Gogol' kak slavyanofil: slavyanskaya tema v nasledii pisatelya', in: V. N. Zakharov, ed. *Evangel'skii tekst v russkoi literature XII–XXI vekov: Tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr*. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Vol. 9, 202–205.
- Vinogradov, I. A. (2012). 'Gogol' o edinstve slavyan', in: V. P. Vikulova, ed. *Gogol' i traditsionnaya slavyanskaya kul'tura: Dvenadtsatye Gogolevskie chteniya. Sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Novosibirsk: Novosibirskii izdatel'skii dom, 20–27.
- Vinogradov, I. A. (2005). "'Neobykvennyi nastavnik" I. S. Orlai kak prototip odnogo iz geroev vtorogo toma "Mertvykh dush"', in: *Gogolevedcheskie studii*. Kiev; Simferopol': Krymskii arkhiv. Vol. 2 (13), 14–57.